

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Верлинский Александр Леонардович

АНТИЧНЫЕ УЧЕНИЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЯЗЫКА

Специальность 10.02.14 –

Классическая филология,

византийская и новогреческая филология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург

2008

Диссертация выполнена на кафедре классической филологии
факультета филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского
Института истории РАН
ГАВРИЛОВ Александр Константинович

доктор филологических наук, профессор
ЕЛОЕВА Фатима Абисаловна

доктор филологических наук
СМЫШЛЯЕВА Вера Павловна

Ведущая организация: Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится «__» _____ 2008 года в _____ часов на заседании совета
Д 212.232.23 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу 199034, г. Санкт-
Петербург, Университетская наб., д.11, ауд. 215 а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького при
Санкт-Петербургском государственном университете.

Автореферат разослан «_____» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

К. А. Филиппов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования.

В работе исследуются античные учения о возникновении и развитии языка – от их зарождения в древней Греции в V в. до н.э. до теорий эллинистической и римской эпохи. Особое внимание уделяется учениям Демокрита и Эпикура, представляющим эволюционистское направление, но наряду с ними также воззрениям Парменида, Платона, Аристотеля, Посидония. Анализируются предпосылки возникновения и история двух противоположных теоретических направлений в философии языка – натурализма и конвенционализма. Значительное место уделяется учениям, идейная принадлежность которых вызывает дискуссии в современной науке (Диодор Сицилийский, Витрувий, Птолемей, Лактанций). Исследование основано на полном по возможности привлечении всего релевантного материала, содержащегося в античной традиции. Наряду с рассуждениями, которые непосредственно относятся к исследуемой теме, привлекаются также, ввиду скудости сохранившихся источников, особенно для V в. до н.э., высказывания в философской, художественной и научной литературе, прямо или косвенно свидетельствующие о дискуссиях, связанных с возникновением языка.

Актуальность темы.

В Древней Греции в V в. до н.э. впервые в истории зарождается отчетливый интерес к тому, как возник язык, вместе с более широким интересом к началам человеческой культуры в целом. Надолго угаснув в Средние века, этот интерес возродился в эпоху Ренессанса и в Новое время и привел к появлению различных учений, опиравшихся (наряду с Библией) на античные теории. Проблема происхождения человеческой речи и по сей день далека от удовлетворительного решения, продолжая вызывать появление все новых теорий, в которых здравые наблюдения над психологией человека и природой речевой деятельности сочетаются с предвзятыми спекуляциями. Античные воззрения на этот предмет, представляющие самоценный интерес в качестве примечательного направления в истории человеческой мысли, напоминают одновременно об источниках, нередко плохо известных, современных гипотез и в какой-то мере предостерегают против повторения ошибок.

Античные учения о возникновении языка еще не становились предметом монографического исследования в отечественной и зарубежной научной литературе, хотя при изучении воззрений древних на происхождение культуры определенное внимание уделялось и этой теме. Ее специальное изучение актуально, однако, не только в плане углубления и детализации. Учения о возникновении языка имеют свою собственную предысторию, отличную от теорий возникновения культуры в целом. Еще до того, как зарождается интерес к тому, как человек, эволюционируя из животного состояния, приобрел артикулированную речь, отличную от звуков прочих живых существ, в первые десятилетия V в. до н.э. появляются первые размышления над тем, как были «установлены имена». Подобного рода размышления связаны с зарождением критического отношения к языку как средству выражения мысли. Этот подход, возникший в сфере, где взаимодействовали зарождающаяся лингвистика и теория познания, позже, око-

ло середины того же столетия, был дополнен культурно-историческим аспектом – идеями относительно появления человеческого языка как такового. В той или иной степени эти различные стороны учений о возникновении языка – антропологическая, эпистемологическая и лингвистическая – присутствуют и в их последующей истории. Существенным является изучение этих учений под углом взаимных влияний этих областей знания в различные периоды.

Несмотря на то, что различные аспекты античных учений о происхождении языка в той или иной мере затрагивались в трудах по античному языкознанию, в современной науке отсутствует обобщающее, основанное на критическом анализе источников, исследование этой темы. Фундаментальный труд Х. Штайнтала далек от полноты и устарел во всех отношениях.¹ Небольшая по объему диссертация Х. Дальмана,² специально посвященная нашей теме, содержит ряд ценных наблюдений, она превосходит основательностью и критичностью большинство современных ей работ по истории античной лингвистической мысли (в частности, в ней справедливо отвергнута гипотеза об отражении учения Антисфена в натуралистических воззрениях платоновского Кратила). Однако сосредоточенность преимущественно на платоновском «Кратиле» и теории Эпикура привели Дальмана к одностороннему выводу о принципиальном отличии учений о языке V – IV вв. до н.э. от позднейших теорий: по мнению Дальмана, в классическую эпоху полемика велась вокруг того, связаны ли вещи со словами объективно или произвольным образом, сама же связь рассматривалась той и другой стороной как результат «установления» (моделью здесь послужила антитеза $\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$ – $\nu\omicron\mu\phi$ платоновского «Кратила»); в эпоху эллинизма главным предметом споров становится, напротив, то, является ли связь слов и вещей возникшей посредством «установления» (как у Диодора Сицилийского) или же спонтанно ($\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$ в эпикурейском смысле), тогда как характер связи между словом и вещью отступает на второй план.

Односторонность подобной трактовки развития идей видна из того, что уже в «Кратиле» натурализм и конвенционализм в трактовке современного языка сопровождается различными суждениями о его создании (мудрый «учредитель языка», установивший слова, соответствующие истинным свойствам вещей, или же заурядные люди, присвоившие вещам произвольные обозначения путем соглашения). Эллинистические учения также различаются не только в понимании процесса возникновения языка, но и в оценке связи между словами и вещами, которая при этом возникает и сохраняется затем в современном языке. Одна из задач исследователя учений состоит, очевидно, в изучении того, каким образом натурализм и конвенционализм в трактовке соотношения слов и вещей в различные периоды связан с определенными гипотезами о возникновении языка.

Монография Ф. Хайниманна, хотя и представляет собой значительный шаг вперед в изучении предыстории натурализма и конвенционализма, затрагивает, однако, эти темы лишь попутно, в связи с изучением антитезы «природа – обычай» и преимущественно под углом терминологии, релевантной для этой анти-

¹ Steinthal H. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. 2. Aufl. Tl. 1–2. Berlin, 1890–1891.

² Dahlmann J. H. De philosophorum Graecorum sententiis ad loquellae originem pertinentibus capita duo. Diss. Weidae Thuringorum, 1928.

тезы, а кроме того, страдает недостаточной отчетливостью в определении самого понятия лингвистического конвенционализма, смешивая его с более общим представлением о словах как человеческих установлениях.³ Появившиеся позднее, по своему весьма полезные исследования античных лингвистических теорий,⁴ мало способствовали дальнейшему изучению ранних воззрений на возникновение языка, а в чем-то представляют собой в этом плане и шаг назад, поскольку не учитывают собранные Хайниманом свидетельства, в частности, высказывания из сочинений гиппократовского корпуса, лапидарные и трудные для интерпретации, но особенно ценные ввиду скудости источников для теорий языка доплатоновской эпохи.

В обширной научной литературе, посвященной платоновскому «Кратилу», сравнительно мало внимания уделено месту этого диалога в развитии учений о возникновении языка. В конце XIX – первых десятилетий XX века было выдвинуто немало необоснованных гипотез, отождествлявших те или иные положения в диалоге с взглядами предшественников и современников Платона, в частности с Демокритом и Антисфеном.⁵ Научное изучение диалога в последние десятилетия привело к значительному прогрессу в понимании позиции самого Платона и места диалога в системе его философских воззрений.⁶ Однако «Кратил» обычно рассматривается изолированно от предшествующих взглядов на возникновение языка, а его влияние на последующие учения преувеличивается за счет более ранних теорий. Это связано с тем, что историки философии, которые составляют подавляющее большинство исследователей диалога, предпочитают сегодня изучать Платона «исходя из Платона», отчасти также с превалирующим односторонним суждением, что тема «Кратила» это соотношение слов и понятий в современном языке, но не происхождение языка.

Даже эпикурейское учение, привлекавшее внимание исследователей больше, чем другие,⁷ нуждается в дальнейшем изучении ввиду расширения круга источников в последнее время, прежде всего, благодаря новым методам чтения Герку-

³ Heinimann F. *Nomos und Physis: Herkunft und Bedeutung einer Antithese im griechischen Denken des 5. Jahrhunderts*. Basel, 1945.

⁴ Gentinetta P. M. *Zur Sprachbetrachtung bei den Sophisten und in der stoisch-hellenistischen Zeit*. Winterthur, 1961; Siebenborn E. *Die Lehre von der Sprachrichtigkeit und ihren Kriterien: Studien zur antiken normativen Grammatik*. Amsterdam, 1976; История лингвистических учений: Древний мир / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Канцельсон. Л., 1980; Kraus M. *Name und Sache: Ein Problem im frühgriechischen Denken*. Amsterdam, 1987.

⁵ Hoffmann E. *Die Sprache und die archaische Logik*. Tübingen, 1925; Warburg M. *Zwei Fragen zum Kratylos*. Berlin, 1929; Haag E. *Platons Kratylos: Versuch einer Interpretation*. Stuttgart, 1933.

⁶ См. в особенности: Baxter T. M. S. *The Cratylus. Plato's Critique of Naming*. Leiden etc., 1992; Platon. *Cratyle*. Traduction, introduction, notes par C. Dalimier. Paris, 1998; Barney R. *Names and Nature in Plato's Cratylus*. New York; London, 2001; Sedley D. *Plato's Cratylus*. Cambridge, 2003.

⁷ Long A. A. *Aisthesis, Prolepsis and Linguistic Theory in Epicurus* // BICS. 1971. Vol. 18. P. 114–133; *The Hellenistic Philosophers* / Ed. by A. A. Long and D. N. Sedley. Vol. 1. Cambridge, 1987. P. 97–102; vol. 2. Cambridge, 1987. P. 98–103; Schrijvers P. H. *La pensée de Lucrèce sur l'origine du langage* // *Mnemosyne*. 1974. Ser. IV. Vol. 27. Fasc. 4. P. 336–364; Hossfelder M. *Epikureer // Geschichte der Sprachtheorie: Tl. 2. Sprachtheorien der abendländischen Antike* / Hrsg. P. Schmitter. 2. Aufl. Tübingen, 1996. S. 217–237.

ланских папирусов. Продвижению исследований в этом направлении способствует появление более надежных изданий фрагментов самого Эпикура и представителей его школы,⁸ а также открытие новых фрагментов надписи эпикурейца Диогена из Эноанды (Ликия II в. н.э.).⁹

При изучении теорий возникновения языка нельзя обойти трудный вопрос об источниках кратких, но содержательных рассуждений о возникновении культуры и языка, относящихся к позднеэллинистическому и римскому времени, и в первую очередь учения в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (I, 8). Гипотеза о зависимости учения Диодора от теории Демокрита, долгое время считавшаяся бесспорной,¹⁰ в последнее время, несмотря на ее энергичную защиту Т. Коулом,¹¹ отвергается большинством ученых в пользу иных предположений - Посидоний,¹² компиляция, в которой соединены различные положения досократиков и софистов,¹³ самостоятельное объединение Диодором «расхожих» представлений современной ему эпохи.¹⁴ Доводы в пользу влияния на Диодора демокритовского учения, однако, нельзя считать исчерпанными. Как раз учение о Диодора о возникновении языка, соединяющее эволюционизм в трактовке его развития с тезисом о произвольном характере первоначального «установления» слов, особенно близко к позиции Демокрита, от которого в передаче Прокла дошло рассуждение о нарушениях однозначности в современном языке, а также сделанный им вывод, что связь между словами и вещами в целом основывается на установлении случайного характера (Procl. In Cratyl. 16, p. 6, 20–7, 16 = 68 В 26 DK = fr. 563 Lugia). Однако достоверность свидетельства Прокла ставится под сомнение рядом ученых, что делает необходимым изучение взглядов Демокрита в контексте современных ему воззрений. Вместе с тем высказывалась и точка зрения о тривиальности учения Диодора для его времени (В. Шперри), так что для проверки гипотезы об идейной связи между двумя теориями требуется выяснить место этого учения среди воззрений на возникновение языка в I в. до н.э.

Помимо необходимости внести ясность в эти трудные вопросы, существенным, особенно ввиду расширения круга источников, становится критическое

⁸ Помимо издания и переиздания многих папирусных текстов Эпикура и его школы, которое осуществляется с начала 70-х гг. Центром изучения Геркуланских папирусов в Неаполе (серия «La scuola di Epicuro» и журнал «Cronache Ercolanesi»), благодаря деятельности того же Центра значительно оживилось исследование эпикуреизма и в других странах. Для нашей темы особое значение имело осуществленное Д. Седли издание XXVIII книги сочинения Эпикура «О природе», посвященной теории языка (Sedley D. N. Epicurus, On Nature, Book XXVIII // Cronache Ercolanesi. 1973. Vol. 3. P. 5–83).

⁹ Diogenes of Oinoanda. The Epicurean Inscription / Ed. with Introd., Transl. and Notes by M. F. Smith. Napoli, 1993.

¹⁰ Reinhardt K. Hekataios von Abdera und Demokrit // Hermes. 1912. Bd. 47. S. 492–513.

¹¹ Cole T. Democritus and the Sources of Greek Anthropology. 2nd ed. Atlanta, 1990.

¹² Pfligersdorsdorffer G. Studien zu Poseidonios. Wien, 1959.

¹³ Dodds E. R. The Ancient Concept of Progress and Other Essays. Oxford, 1973.

¹⁴ Spoerri W. Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter: Untersuchungen zu Diodor von Sizilien. Basel, 1959 (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. H. 9); ср. также: Utzinger Chr. Periphrades Aner: Untersuchungen zum ersten Stasimon der Sophokleischen «Antigone» und zu antiken Kulturentstehungstheorien. Göttingen 2003 (Hypomnemata. H. 146). S. 164–166.

обобщение наших знаний об античных учениях о возникновении языка, которое учитывало бы преемственность и развитие идей в этой области, начиная с их зарождения в V до н.э. до поздних изложений римской эпохи. Недавно появившаяся книга Д. Гера содержит, наряду с обзором различных представлений, связанных с языком и речью, также главу, посвященную учениям о возникновении языка,¹⁵ однако не ставит перед собой задач филологического и источниковедческого плана и не стремится к воссозданию хода развития идей.

Цель и задачи исследования.

Исследование ставит своей целью изучение предпосылок зарождения первых учений о возникновении языка, становления основных идейных течений в этой сфере (креационизм, эволюционизм, финализм), взаимодействия этих идей с различными воззрениями на соотношение между знаком и обозначаемым (конвенционализм и натурализм). Важной целью является также определение идейных влияний теорий классической эпохи на учения эллинистического и римского времени – как на те, идейная принадлежность которых несомненна (эпикурейская и стоическая теория), так и на те, принадлежность которых вызывает споры. Эти, более общие цели предполагают решение ряда частных задач – текстологический анализ свидетельств, изучение в исторической перспективе терминологии, связанной с исследуемой проблематикой, формальных особенностей текстов в тесной связи с определением их идейной принадлежности, а также, по возможности, привлечение новых свидетельств, имеющих отношение к теме.

Метод работы. Фрагментарность сохранившихся свидетельств и, вследствие этого, трудность их понимания, делает единственным возможным методом исследования филологический анализ и критику различных уровней, целью которой в данном случае оказывается принадлежность свидетельств к определенному идейному направлению, выявление возможных контаминаций с другими учениями, в конечном счете, определение того, в какой мере они отражают оригинальные теории, а в какой представляют собой их дальнейшее развитие или механическое соединение с другими теориями. В ходе исследования используются филологические методы интерпретации и критики текста, требующие привлечения соответствующего инструментария: тезаурусы древнегреческого и латинского языка, словари обоих этих языков, индексы к отдельным авторам, научные грамматики, лингвистические исследования, критические издания авторов и фрагментов, а также текстологический аппарат этих изданий, в отдельных случаях сами рукописи в виде микрофильмов. Кроме того, применяется комплекс методов, используемых при исторической реконструкции, применительно к развитию идей (филологический метод анализа непосредственного смысла теоретических положений и аргументов в сочетании с историко-философским методом определения места этих рассуждений в общей системе взглядов мыслителя, а в конечном счете в общем ходе развития идей).

Научная новизна. В диссертации детально рассмотрены сохранившиеся изложения позднеэллинистического и римского времени, посвященные возникновению языка, в ряде случаев уточнена их идейная принадлежность и определено отношение этих изложений к основным направлениям теоретической мысли

¹⁵ Gera D. L. Ancient Greek Ideas on Speech, Language and Civilization. Oxford, 2003. P. 112–181.

классической и раннеэллинистической эпохи. Тем самым приводятся новые аргументы в пользу родства учений Диодора и Витрувия, в первую очередь содержащегося в них положения о возникновении языка из постепенного установления имен, носившего произвольный характер, с взглядами Демокрита.

В работе впервые предпринята попытка выяснить идейные истоки первых учений о возникновении языка (вторая половина V в. до н.э.), а также родственных им более ранних представлений об «установлении имен», определить теоретические предпосылки и выяснить историю возникновения двух противоположных воззрений на соотношение слов и вещей, натурализма и конвенционализма, выяснить их связь с появляющимися в это же время учениями о возникновении языка эволюционистского характера и представлениями креационистского характера о создании языка божеством или мудрецом.

В диссертации на основе рассмотрения соответствующих рассуждений в греческой литературе VI – V вв. до н.э. сделан вывод о принципиальном отличии между высказываниями в духе «критики языка», суть которых сводится к отрицанию реальности или истинности понятий, обозначаемых определенными словами (суждения Ксенофана, Парменида, Эмпедокла и других мыслителей), и лингвистическим конвенционализмом в собственном смысле, который констатирует отсутствие объективной связи между словом и понятием, вне зависимости от истинности самих понятий.

В работе обосновывается, что Демокрит, примыкая в некоторых своих рассуждениях к «критике языка» в духе более ранних мыслителей, в то же время, судя по свидетельству Прокла, впервые отчетливо формулирует положения лингвистического конвенционализма, приближение к которому заметно и в некоторых других высказываниях его современников, прежде всего автора гиппократовского сочинения «О священной болезни». Позиция Демокрита (понимание неоднозначности в соотношении слов и вещей как дефекта языка, восходящего к случайному характеру первоначального «установления имен») относится к конвенционализму критического толка, в противоположность конвенционализму платоновского Гермогена, рассматривающего произвольность в соотношении слов и вещей как нормальное явление.

Посредством сопоставления свидетельства Прокла об учении Демокрита с современными Демокриту высказываниями о неоднозначности в соотношении слов и вещей опровергаются сомнения в достоверности этого свидетельства.

В диссертации детально рассмотрены и отвергнуты попытки ряда ученых обнаружить у Демокрита положения в духе изоморфизма реальности и языка и тем самым превратить его в предшественника натуралистических теорий, показано, что положение о случайном характере первоначального «установления имен», которое Прокл приписывает Демокриту, не противоречит детерминизму, приверженцем которого тот был в философских вопросах.

В работе уточнено понимание эпикурейской теории возникновения языка, соотношение между двумя фазами его развития в этой теории, определено место эпикурейской теории в развитии натуралистических концепций.

В ходе диссертационного исследования впервые выяснена или дополнительно обоснована принадлежность эпикурейской школе или самому Эпикуру нескольких свидетельств, позволяющих внести коррективы в понимание его тео-

рии возникновения языка. Рассуждение Птолемея («О критерии», 4, 2–6) о возникновении языка проливает свет на характер второй стадии развития языка в теории Эпикура. Пассаж из сочинения эллинистического этнографа Агатархида (Phot. Biblioth. Cod. 250, 450 a 41–b 11 Henry), направленный против эпикурейского учения, позволяет лучше понять суждение Лукреция (V, 1028–1029) о начале речи. Приведенная у Секста Эмпирика (Adv. Math. IX, 30–33) эпикурейская критика учения об «изобретателе религии», восходящая, как можно доказать, к сочинению Эпикура «О природе», подтверждает принадлежность Эпикуру аналогичной критики представления об «изобретателе языка», сохранившейся отчасти у Лукреция, отчасти у Диогена из Эноанды и позволяет лучше понять место последней в воззрениях Эпикура на происхождение культуры. Рассуждение Галена, направленное против эпикурейского учения о развитии функций у детенышей животных (I, p. 4, 13–5, 5 Helmreich), подтверждает правильность одного из рукописных разночтений в тексте Лукреция и дает возможность уточнить его смысл.

В диссертации доказывается родство между взглядами на эволюцию языка в рассуждениях конвенционалистского толка (Диодор, Витрувий, Лактанций) и эпикурейским учением, относящимся к лагерю натурализма, указывающее на происхождение этих воззрений от учения Демокрита. Доказательствами этого родства служат: 1) общее представление о наличии примитивной стадии нечленораздельные звуков, имевших экспрессивный характер, и жестов, которые применялись для коммуникации, 2) предположение о переходе от жестов к звукам как основной форме речевой коммуникации.

Практическая ценность.

Содержащийся в диссертации и в опубликованных на ее основе работах материал был использован при чтении лекционных курсов по истории античной философии для филологов-классиков, спецкурса «Античные теории возникновения культуры», а также при комментированном чтении различных античных авторов (Платон, Эпикур, Лукреций). Кроме аналогичных университетских занятий, материалы диссертационного исследования могут помочь при чтении лекционных курсов по истории античных лингвистических учений и использоваться для сопоставлений при изучении теорий возникновения языка Нового времени.

Апробация работы.

Основные положения диссертации излагались в докладах и обсуждались в ходе дискуссий на международных конференциях: ежегодные чтения, посвященные памяти И. М. Тронского (С.-Петербург, ИЛИ РАН, 1998, 2002), Кембриджская конференция по античной этимологии (Cambridge Conference on Ancient Etymology, Кембриджский университет, 2000), Девятый Международный Симпозиум по эллинистической философии, посвященный теориям языка (9th Symposium Hellenisticum, Гамбург, 2001), международная конференция «Античная грамматическая традиция в веках» (Ancient Grammar and Its Posterior Tradition) (С.-Петербург, ИЛИ РАН, 2005), ежегодная конференция «Античное естествознание и его наследие» (Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption, Майнцский университет, 2005), ежегодное заседание Южной ассоциации по изучению античной философии (Southern Association of Ancient Philosophy, Кем-

бриджский университет, 2006), а также в докладах на кафедре классической филологии СПбГУ (регулярно в период работы над диссертацией), на заседании Петербургского Аристотелевского общества (октябрь 1998), в институте классической филологии Свободного университета Берлина (2000), на Чтениях, посвященных памяти А. И. Зайцева (С.-Петербургский университет, 2001), на семинаре антиковедов Института исследований повышенного типа (Institute for Advanced Study, Princeton, New Jersey, 2008), в департаменте классической филологии Йельского университета (New Haven, 2008). Различные разделы диссертации и все диссертационное исследование целиком обсуждались на кафедре классической филологии факультета филологии и искусств СПбГУ.

Структура работы.

Диссертация состоит из предисловия, введения, семи глав, заключения. К диссертации прилагаются список сокращений и библиография.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Предисловие. В предисловии обосновывается актуальность темы исследования, приводится основная литература по теме и характеризуются имеющиеся достижения, а также нерешенные вопросы. Поскольку основные разновидности учений о возникновении языка отчетливее представлены в текстах позднеэллинистической и римской эпохи, исследование начинается с определения идейной принадлежности этих позднейших свидетельств и их отношения к основным течениям мысли эллинистического периода и теориям классической эпохи.

Введение. Учение Диодора Сицилийского о возникновении мира, цивилизации и языка и его философские предшественники.

§ 1. История вопроса. Во Введении рассматривается одно из интереснейших учений о возникновении мира, живых существ и культуры, содержащееся во введении к «Исторической библиотеке» историка I в. до н.э. Диодора Сицилийского (I, 7–8). Здесь описывается образование космоса из вращающейся массы вещества посредством ее механического разделения на более легкие и более тяжелые элементы, самозарождение живых существ благодаря уникальному сочетанию тепла и влаги в начальный период существования земли и, наконец, эволюция человека от первоначального «звероподобного состояния» к образованию простейших форм сообщества, использованию естественных укрытий для защиты от холода, созданию запасов пищи на зимнее время и открытию огня. В качестве движущих сил культурного развития выступают нужда и опыт, а в качестве предпосылок изначальные благоприятные особенности человеческой природы (сообразительность, обладание руками и предрасположенность к речи). Возникновение и развитие языка занимает значительное место в этом изложении: звуки первоначально имеют нечленораздельный характер, их артикуляция и соотнесение с объектами («установление имен») это постепенный процесс, в котором участвуют все члены примитивного сообщества, причем возникающая в результате связь между комбинациями уже артикулированных звуков и объектами, которые они обозначают, понимается как случайная. Произволь-

ность первоначального установления служит объяснением многообразия существующих языков.

В науке выдвигались предположения о зависимости учения Диодора от Эпикура (И. Вольтер), или позднейших эпикурейцев (Эд. Норден), стоика Посидония (Г. Пфлигерсдорфер, О. Жигон). Предполагалось также, что Диодор использовал компендий, в котором суммарно излагались учения досократиков (Эд.Шварц), или же сам обобщил представления, типичные для его времени (В. Шперри). Особого внимания заслуживает гипотеза К. Райнхардта о том, что непосредственным источником рассуждения Диодора было сочинение по истории Египта Гекатея Абдерского (конец IV в. до н.э.), который в свою очередь опирался на теорию Демокрита. Детальному разбору этой гипотезы, которая пользовалась широким признанием в науке, но в последние десятилетия отвергается большинством ученых, посвящены § 2 и 3 Введения.

§ 2. Гекатей Абдерский как источник Диодора. В § 2 анализируются доводы К. Райнхардта и Т. Коула в пользу того, что источником учения Диодора было сочинение Гекатея Абдерского, которое Диодор использовал в I книге своего труда, посвященной истории Египта, где господствует «эвгемеристская» трактовка раннего периода культуры: ее создание приписывается выдающимся людям, обожествленным впоследствии за свои благодеяния человечеству. Несмотря на необходимость отказаться от нескольких серьезных аргументов сторонников этой гипотезы, имеется значительное сходство в трактовке возникновения живых существ и развития культуры между учением вводной части труда Диодора и изложением в его I книге, что указывает на сочинение Гекатея как на их общий источник. Некоторые отличия могут быть объяснены тем, что описание развития египетской цивилизации у Гекатея служило продолжением вводного очерка, в котором изображался начальный этап существования мира и человека. При этом, однако, приходится отказаться от неправдоподобной гипотезы К. Райнхардта, поддерживаемой и Т. Коулом, о том, что Диодор сам устранил во вводном изложении египетский колорит и эвгемеристские черты, типичные для Гекатея. Более вероятно, что Диодор использовал здесь не эвгемеристское, а эволюционистское учение, которое было использовано также Витрувием (II, 1, 1). Это учение, очевидно, также содержалось в труде Гекатея, в качестве вводного очерка возникновения культуры, отражающего воззрения греческих философов. За ним следовала «египетская», более истинная, в глазах Гекатея, версия начала мира и цивилизации, с теологически окрашенным натурфилософским учением и эвгемеристским изложением древнейшей истории Египта (Гекатей изображал первых правителей Египта в качестве смертных, но, в отличие от более позднего учения Эвгемера, божественных существ, происходящих от божественных стихий космоса).¹⁶

§ 3 Учение Диодора и теория Демокрита. Хотя мы не располагаем прямыми свидетельствами о влиянии учения Демокрита на Гекатея, это влияние само по себе правдоподобно, так как Гекатей через своего учителя Пиррона, а возможно, и сам лично был связан с «Абдерской школой», т. е. с последователями

¹⁶ См.: Верлинский А. Л. Об одном необычном эвгемеристском учении: *dei ex elementis nati* // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 2. С. 362–386.

Демокрита, в кругу которых сохранялся интерес к тематике, связанной с возникновением цивилизации (70 А 4, 5; В 3; 4 DK).

Для решения вопроса о философском источнике вводных главы Диодора (I, 7–8), большее значение, чем гипотеза о Гекатее как промежуточном источнике, имеет сама теоретическая тенденция этих глав. Предположение Шперри о самостоятельном обобщении Диодором расхожих воззрений его времени вступает в противоречие с типичным для историка переписыванием связных кусков текста из его источников, которые обычно подвергаются лишь сокращениям и поверхностной стилистической обработке.

Хотя нельзя категорически исключить зависимость Диодора от компиляции, в которой были объединены взгляды различных мыслителей, все три части учения Диодора могут с различной степенью точности отражать и воззрения Демокрита. Космогония изложена чересчур суммарно для того, чтобы определить ее источник, однако она соответствует в целом воззрениям доплатоновской эпохи, а ее механистический характер делает вероятным влияние Демокрита. Зоогония Диодора, как и близкое к ней учение, содержащееся в диалоге Иоанна Катрария (?) «Гермипп», восходят к общему источнику, в котором ввиду сходства с учением Эпикура, можно видеть сочинение Демокрита.

Учение Диодора о возникновении культуры имеет особенно отчетливую теоретическую тенденцию: необходимость выживания и прямые опасности докультурного состояния служат стимулом к приобретению культурных навыков; изобретательность и другие благоприятные особенности человека как вида объясняют в конечном счете успехи эволюции, однако само развитие происходит посредством длительных и первое время неудачных усилий; не только божественное вмешательство, но и роль выдающихся личностей, способности которых превосходят современных людей, чужды этому учению.

Антителеологизм и антикреационизм в трактовке эволюции, реализм в оценке способностей докультурного человечества исключают теории Платона и стоиков (в частности, Посидония) в качестве источника учения Диодора и соответствуют, напротив, тенденции, которая характерна для трактовки возникновения культуры в атомистической традиции, лучше известной нам по учению Эпикура, но присутствующей также во фрагментах Демокрита. Вместе с тем учение Диодора имеет черты, отличные от эпикурейской теории: опыт, то есть метод проб и ошибок, вместе с изобретательностью, служат объяснением достижений цивилизации у Диодора, что в целом соответствует положениям Демокрита (fr. 558; 568 Lugia), тогда как эпикуреизм подчеркивает автоматизм в выработке полезных навыков на начальном этапе развития цивилизации. Кроме того, учение Диодора о языке указывает на демокритовское, а не на эпикурейское происхождение. Согласно свидетельству Прокла (In Crat. 16 = 68 В 26 DK = fr. 563 Lugia), Демокрит утверждал, что слова были установлены случайным образом. Произвольное «установление имен» в учении Диодора соответствует этому положению Демокрита и противоречит теории Эпикура о спонтанном возникновении слов в качестве эмоциональных реакций на предметы, которые воздействовали на первых людей. Для проверки гипотезы о зависимости учения Диодора от Демокрита необходимо, однако, вначале выяснить, насколько необычна для позднего эллинизма комбинация конвенционализма с эволюциони-

стской трактовкой возникновения языка, характерная для Диодора (В. Шперри рассматривает ее как одно из расхожих представлений этого времени). Затем мы обратимся к учениям о возникновении языка эпохи Демокрита, чтобы определить как соотносятся эти воззрения с учениями Диодора и его современников.

Глава I. Эллинистические теории возникновения языка.

§ 1. Эволюционистский подход к возникновению языка. Лишь в нескольких из позднеэллинистических рассуждений возникновение языка рассматривается как процесс постепенной артикуляции звуков и соотнесения их с определенными объектами: помимо учения Диодора, это вводный раздел о происхождении строительного искусства в трактате Витрувия «Об архитектуре» (II, 1, 1) и утилитаристское рассуждение о возникновении человеческого общества, которое приводит Лактанций в сочинении «О божественных установлениях» (VI, 10, 13–14). Согласно Диодору и Витрувию, соотнесение слов с предметами имеет случайный характер; учение, которое излагает Лактанций, не указывая на это прямо, во всяком случае умалчивает о наличии объективного соответствия слов предметам.

В целом все три изложения последовательно представляют чуждый телеологии подход к возникновению культуры и языка. Хотя в отличие от Диодора, у Витрувия и Лактанция имеются детали, несомненно заимствованные у Лукреция, само учение о возникновении языка и некоторые другие существенные элементы обоих изложений отличаются от эпикурейского учения. Реминисценции поэмы Лукреция имеют скорее орнаментальный характер и призваны, очевидно, оживить рассказ деталями из родственной по духу традиции.

Возникновение языка изображено во всех трех изложениях как «установление имен» в отличие от спонтанного произнесения звуков в эпикурейском учении. У Витрувия и у Диодора подчеркивается постепенный характер установления и произвольность отношения между словом и объектом. Два изложения, Витрувия и Лактанция, изображают жесты в качестве примитивного способа коммуникации и предполагают тем самым, что звуки до тех пор, пока не были артикулированы и соотнесены с предметами, представляли собой исключительно или преимущественно выражение эмоций. Жесты не упоминаются Диодором, однако это объясняется модификацией им в эвгемеристском духе текста его источника (I, 13, 3), в котором жесты упоминались, как это видно при сопоставлении со сходным, вплоть до буквальных совпадений, описанием открытия огня у Витрувия. Лактанций приводит объяснение перехода от жестов к звуковой речи, изображая ситуацию, в которой сильное волнение, вызванное опасностью, подсказывает первобытным людям новое, более удобное средство коммуникации (следующая ступень в эволюции языка представляет собой систематическое соотнесение определенных комбинаций звуков с объектами, т. е. «установление имен»). У Витрувия имеется, кроме того, указание, что первобытные люди в какой-то момент перешли от обозначения звуками отдельных предметов и явлений к связной речи. В других известных нам рассуждениях переход от «установления имен» к речи рассматривается как нечто само собой разумеющееся.

Сходство всех трех рассуждений в подходе к возникновению и развитию языка не вызывает сомнения, несмотря на то, что не все ступени эволюции отраже-

ны в каждом из наших текстов. Восстанавливать текст общего источника, принимая во внимание, что все три рассуждения заимствованы нашими авторами через одного, а то и нескольких посредников, было бы неосторожно. Однако эти изложения показывают существование определенного направления мысли в эпоху позднего эллинизма, согласно которому язык развивается от примитивной стадии нечленораздельных звуков и жестов, через артикуляцию к звуковой речи и последующему «установлению имен», причем последнее носит характер произвольного соотнесения комбинаций звуков, будущих слов, с обозначаемыми предметам. Сходным является и понимание самого возникновения языка как постепенного процесса, который, по крайней мере, отчасти, осуществляется через необычные ситуации, побуждающие обычных людей к реализации имеющихся, но до того не создаваемых речевых способностей. Подобный подход – градуализм, действие необходимости, объяснение через необычное стечение обстоятельств, в сумме исключаящие сверхъестественные факторы в развитии культуры – типичен в целом для трактовки возникновения культуры у Демокрита, от которого не сохранилось, однако, аналогичных высказываний о развитии собственно языка. Тезис о произвольном или случайном установлении слов (лингвистический конвенционализм) сближает это направление мысли уже непосредственно с теорией языка Демокрита.

Диодор, на этот раз в эвгемеристском изложении начал египетской культуры, сперва упоминает, в связи с установлением имен богов, этимология которых указывает на их истинную природу, о возникновении в Египте артикулированного языка (I, 12, 1), а затем о создании мудрецом Гермесом κοινὴ διάλεκτος и названий многих вещей, которые прежде были безымянными (I, 16, 1), что надо понимать как создание обыденного языка, в противоположность более древнему, «священному» языку (ср. Maneth. FGrHist 609 F 8). Эта концепция развития языка, основанная на египетском противопоставлении священной и демотической письменности, принадлежит, очевидно, самому Гекатею Абдерскому и несомненно отличается от того учения, которому следует Диодор во вводной части (здесь – этимологически «правильные» имена богов, там – произвольное установление). Примечателен, однако, сам стадийный подход к возникновению языка в этом египтизированном учении, а также известное сходство с учением Эпикура о второй ступени в развитии языка, которая представляет собой, в частности, восполнение пробелов в лексике, что позволяет предполагать влияние Демокрита на оба учения.

§ 2. «Установление имен» в эллинистических теориях. Учения Диодора, Витрувия и Лактанция о возникновении языка совпадают с эпикурейской теорией в реалистической оценке интеллектуальных возможностей первых людей, в склонности к градуалистскому подходу, в отрицании сверхъестественных факторов в развитии языка и сведении к минимуму роли целенаправленных действий в процессе его создания. Вместе с тем, в противоположность трактовке учения Диодора как эпикурейского (Эд. Норден, С. Бэйли и др.), Х. Дальман, а вслед за ним В. Шперри и Т. Коул справедливо указали на принципиальное отличие того направления мысли, которому принадлежат изложения Диодора, Витрувия и Лактанция, от эпикурейской теории. У Диодора и Витрувия (имплицитно также у Лактанция) первоначальные звуки являются выражением эмоций

и лишь на позднейшей стадии, после артикуляции, “устанавливаются”, т. е. связываются, и притом произвольно, с вещами. Напротив, в эпикурейской теории уже первые комбинации звуков обусловлены воздействием определенных предметов и, таким образом, изначально связаны с конкретными вещами.

Очевидно, далее, что то направление мысли, к которой принадлежат изложения Диодора, Витрувия и Лактанция, не имеет ничего общего с “установлением” имен в соответствии с природой вещей, но близка к представлениям о конвенциональном и произвольном происхождении языка. Ни у Диодора, ни у Витрувия сам договор (συνθήκη) не упоминается, однако выражения τύχη или ὡς ἔτυχε (sc. τὰ ὀνόματα ἐτέθη) подразумевают, начиная со второй половины V в. до н.э., произвольное установление слов и полемику с тезисом о создании в древности слов, этимология которых отражает истинные свойства вещей. Для демаркации разных направлений мысли следует, с одной стороны, учесть, что конвенционализм отрицает не наличие у слов этимологии, но отражение в этимологии знания об истинных свойствах вещи, и потому исходит из представления о заурядности участников языкового соглашения. С другой стороны, нам неизвестно ни одно рассуждение, где бы божеству или мудрецу приписывалось создание языка в целом на конвенциональной основе, хотя, разумеется, встречаются высказывания о том, что мудрый законодатель допустил ошибку с точки зрения этимологии. Поэтому не следует сблизать изложение Диодора, как это делает Шперри, с пассажами, в которых язык создается мудрецами, только на том основании, что в них не всегда сказано прямо, как именно были установлены слова.

Направление, к которому принадлежат учения Диодора, Витрувия и Лактанция, решительно отличается от стоической теории, в которой упор делался на подражательном и этимологическом соответствии слов сущности вещей (SVF II 1061). “Первые слова”, от которых происходят все остальные и которые сами не могут быть этимологизированы (“элементы этимологии”), соответствуют сущности обозначаемых ими вещей благодаря способности самих звуков имитировать свойства предметов (SVF II 146). Хрисипп приписывал создание этимологически правильных слов из первоначальных звуков действию мудрого «учредителя языка» (SVF II 914). Стоическая теория, таким образом, подобно теории «речевого жеста» в «Кратиле» (422e–427d), предполагает полное соответствие языка реальности от простейших звуков до слов (и далее – до самих высказываний) и усматривает в этом мудрость древних создателей языка, исключительных людей. Случайность играла какую-то роль в стоическом учении при объяснении отличий между языками (Strab. II, 3, 7), однако очевидно, что эта теория не имеет ничего общего с учениями Диодора, Витрувия и Лактанция – ни в понимании господствующего в языке соотношения между словами и вещами, ни в трактовке процесса возникновения языка и личностей его создателей. Стоическая теория не предполагает и процесса постепенной артикуляции первоначальных звуков в ходе эволюции человечества, так как рассматривает эту способность как одно из доказательств мастерства природы в творении (Cic. De nat. deor. II, 149), т. е. как изначально присущее человеку свойство. Учения Диодора, Витрувия и Лактанция отличаются и от теории стоика Посидония (к нему ряд исследователей возводил первые два из этих двух учений): Посидоний в противоположность

Древней Стое объяснял отличия между языками действием климатических факторов (F 49 Edelstein – Kidd).

Рассуждения Диодора, Витрувия и Лактанция занимают особое место и среди конвенционалистских концепций, которые исходят из положения о произвольной или договорной связи между словом и предметом. Последние в обращают внимание на сам момент установления названий и иногда предполагают суждения о создателях языка (Plat. Crat. 383a; 385e), однако обычно не проявляют интереса к его эволюции — к переходу от жестикულიции к звуковой речи, к артикуляции первоначальных нечленораздельных звуков, к процессу установления имен — всему тому, что свойственно интересующей нас традиции. Подобный подход, чуждый интереса к эволюции языка, видимо, составляет особенность послеплатоновских конвенционалистских теорий. Это обстоятельство делает маловероятным, что изложения Диодора и Витрувия представляют собой позднее эклектическое соединение конвенционалистской доктрины с реалистическим описанием эволюции языка.

Глава II. Неоднозначность в соотношении слов и вещей: к истокам лингвистического конвенционализма.

§ 1. Демокрит о неоднозначности и об именах «по установлению»: свидетельство Прокла и полемика вокруг него. Согласно сообщению Прокла (in Crat. 16, p. 6, 20–7, 16 = 68 B26 DK = fr. 563 Luria), Демокрит приводил четыре наблюдения, демонстрировавшие, что в современном ему языке отсутствует однозначная корреляция между словами и обозначаемыми объектами: 1) одно и то же слово может обозначать различные вещи; 2) одна и та же вещь может обозначаться различными словами; 3) одни и те же вещи могут получать со временем иные именованья; 4) в языке отсутствуют обозначения для некоторых понятий. Вывод, сделанный из этих наблюдений Демокритом, состоял в том, что слова соотносены с предметами исключительно в силу самого акта установления, без каких-либо объективных оснований, случайным образом (θέσει...τύχη...οὐ φύσει [ὀνόματα]).

Надежность передачи Проклом как аргументации, так и выводов Демокрита не раз подвергалась сомнению, а его свидетельство рассматривалось отчасти как анахронистическое, отчасти как противоречащее детерминизму Демокрита. Однако знание Проклом точных названий, которые дал своим доводам Демокрит, а также формулировки одного из аргументов, служит, несмотря на анахронизм примеров, которыми иллюстрируются эти доводы, презумпцией доверия к свидетельству.

§2. Открытие неоднозначности в соотношении слов и вещей в V в. до н.э. Скептицизм в своих крайних проявлениях (Х. Штайнталь, позднее Э. Хайтш) на практике приводил к тому, что Демокриту вместо предполагаемых анахронизмов в изложении Прокла приписывались утверждения Платона или других мыслителей. Материал из литературы различных жанров (драма, историография, антикварная литература, философия, в том числе и фрагменты самого Демокрита), показывает, что вторая половина V в. до н.э. была временем открытия «аномалий» языка и повышенного интереса к ним и что каждое из наблюдений, которые Прокл приписывает Демокриту, находит по отдельности па-

раллели в свидетельствах этого времени. Использование Демокритом всего спектра указанных явлений для обобщающих выводов о соотношении слов и вещей не представляет собой, таким образом, ничего невероятного.

Анализ монолога Федры из еврипидовского «Ипполита» (373–387), демонстрирующего интерес к омонимии как явлению, позволяет не только подтвердить историчность наблюдений Демокрита, но и констатировать известное сходство в оценке этого явления. Согласно Еврипиду, омонимия не может быть устранена и представляет собой закономерную, хотя и досадную, особенность языка.

§ 3. Демокрит и философская критика обыденного языка. Другое направление скепсиса в оценке свидетельства Прокла касается передачи им вывода Демокрита, основанного на наблюдениях за неоднозначностью в современном языке, – связь между словом и вещью не имеет объективного характера, произвольна и основана лишь на самом акте установления. Сомнения в точности формулировки Прокла основываются, с одной стороны, на сопоставлении этого свидетельства с фрагментами Демокрита, в котором тот противопоставляет атомы и пустоту, существующие в действительности, данным чувств, представление об объективности которых, зафиксированное в виде определенных слов, не соответствует истине и основывается на обычае, $\nu\omicron\mu\phi$ (68 B9 DK = fr. 55 L.). С другой стороны, приводится соображение терминологического характера: противопоставление $\phi\upsilon\sigma\epsilon\iota$ — $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ применительно к языку не засвидетельствовано для V в. до н. э., поэтому предлагается усматривать за прокловским $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ подлинное демокритовское $\nu\omicron\mu\phi$. Исходя из этого одни исследователи сделали вывод, что утверждение Демокрита означает произвольное соотношение слов и вещей в современном языке, но не имеет отношения к возникновению языка (Х. Штайнталь, Д. Фелинг), другие же подвергли сомнению сам конвенционализм Демокрита (К. Райнхардт, Р. Филиппзон, С. Я. Лурье). Однако сомнение в точности термина $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ не должно вести автоматически к приписыванию Демокриту воззрений, которые в V в. (и у современных ученых) ассоциируются с утверждением $\acute{o}\nu\omicron\mu\alpha\tau\alpha$ $\nu\omicron\mu\phi$. Обе стороны вопроса, содержание теории Демокрита и ее предполагаемое терминологическое выражение, целесообразно рассмотреть отдельно.

Демокритовское противопоставление атомов и пустоты, существующих “по истине”, и сладкого, горького и т. п., чье существование основывается на обычае, хотя и затрагивает сферу языка, однако не имеет прямого отношения к демокритовским суждениям, приведенным Проклом. У Прокла Демокрит указывает на неоднозначное соотношение слов и их значений, не затрагивая вопрос об истинности самих понятий, которые стоят за словами. Напротив, положение о субъективности чувственных представлений применительно к языку оказывается критикой неверных понятий, т. е. метафизической и эпистемологической, а не языковой проблемой.

Демокритовское утверждение “по обычаю — горькое...”, хотя и вполне оригинально в качестве эпистемологического положения, однако не представляет собой ничего нового с точки зрения приемов критики обыденного языка. Первое из известных высказываний такого рода появляется уже у Ксенофана (21 B32 DK), который противопоставляет натурфилософское понимание радуги как ес-

тественного явления, облака или тучи, ее обыденному имени, Ἴρις, которое ассоциируется с вестницей богов:

Философскую критику такого рода следует отличать от аргументации Демокрита в передаче Прокла, которая не затрагивает реальность или истинность объектов, обозначаемых словами, но касается лишь однозначности соотношения между словами и понятиями. Для определения места этого рассуждения Демокрита в борьбе современных ему идей необходимо обратиться к предыстории лингвистического конвенционализма в античности. Здесь приходится иметь дело с двумя крайними позициями ученых. Согласно первой, лингвистический конвенционализм обнаруживается уже в высказываниях Ксенофана (Ф. Хайнманн) или Парменида (Г. Дильс), согласно второй, первая из дошедших до нас отчетливая формулировка этого воззрения (Гермоген в платоновском «Кратиле») указывает на время его появления и на принадлежность самой формулировки Платону (Д. Фелинг). Недостатком этих позиций оказывается в одном случае чересчур широкая трактовка конвенционализма (под ним понимается представление о том, что язык «создан людьми»), во втором, напротив, чересчур узкая (конвенционализм отождествляется с его гермогеновской разновидностью, согласно которой любое слово может быть установлено посредством простого соглашения носителей языка, и так же заменено впоследствии новым установлением, столь же произвольным, как и прежнее).

Для изучения происхождения и истории античного конвенционализма продуктивнее его более широкое определение как учения о произвольном соотношении между обозначающим и обозначаемым (или между «словом» и «вещью», согласно античной терминологии). Изучение истории подобного воззрения позволяет лучше понять происхождение конвенционализма, чем прямолинейный поиск предшественников учения Гермогена о языковом договоре, заведомо дающий отрицательный результат. Кроме того, более широкое определение конвенционализма позволяет изучать его различные формы в древности в их многообразии и взаимовлияниях, не оставаясь в плену специфических нюансов и терминологии, но принимая их во внимание – не только учения, согласно которым связь между словами и вещами основана на соглашении (помимо платоновского Гермогена, сюда относится теория Аристотеля), но и те учения, в которых она возводится не к безразличному соглашению, но к стихийности и случайности постепенного «установления имен» (Диодор и Витрувий). Подобное определение также дает возможность учитывать как релевантные для истории конвенционализма высказывания о произвольности связи слова и вещи, которые не предполагают определенных представлений о происхождении этого соотношения.

Глава III. Возникновение лингвистического конвенционализма и натурализма.

§1. Учение об «установлении имен» в поэме Парменида и его отношение к конвенционализму. Для истории идей, относящихся к возникновению языка, а также соответствующей терминологии, важна вторая часть поэмы Парменида, в которой суммируются и отвергаются «мнения смертных». Парменидовская критика языкового узуса напоминает высказывания об ошибочных именах Ксе-

нофана, однако имеет значительно более широкий характер. Парменид считает ошибочными все слова, обозначающие движение, множественность и переход от света к тьме (28 В 8, 34–41). Представление о реальности этих явлений он связывает с доверием к чувственному опыту, достоверность которого опровергается в первой части поэмы доводами разума, согласно которому мир представляет собой абсолютное единство, чуждое делению, изменению, возникновению и гибели.

Более определенно, чем у предшествующих мыслителей, выражен у Парменида интерес к происхождению критикуемых им слов. Как убедительно показал К. Райнхардт, Парменид стремится придать господствующим в мире заблуждениям вид последовательной системы космологических воззрений. Эту систему, представляющую собой в действительности оригинальное переосмысление учений его предшественников, Парменид изображает как последовательное развитие ложного взгляда на первопринципы мироздания, возникшего в отдаленном прошлом. Предшественники современного человечества постулировали, руководствуясь чувственными впечатлениями, наличие двух противоположных начал, получивших названия света и тьмы (28 В 8, 53–54 DK). Затем всем остальным вещам были присвоены имена, соответствующие тем физическим качествам, которые ассоциируются с одним из этих начал (28 В 9 DK). Возникновение мира и живых существ, также фигурировавшее в этой части, приводилось в качестве дальнейшего следствия первоначальной ошибки.

Утверждение и распространение в мире ложных воззрений изображалось, таким образом, в поэме Парменида как создание соответствующих слов. Во фрагментах Парменида появляются первые примеры употребления выражения «устанавливать имена», *ὀνόματα (κατα)τίθεσθαι* (28 В 8, 39; В 19 DK) в смысле создания новых, прежде не существовавших обозначений и присвоения их предметам (в том же значении использует Парменид и *ὀνομάζειν*). Однако, несмотря на значительное сходство «установления имен» у Парменида с учением о возникновении языка (на это обратил внимание А. Мурелатос), мы имеем дело лишь с приближением к подобному воззрению. Представление о первобытном состоянии, в котором человек еще не обладал членораздельной речью, надежно засвидетельствованное только начиная с 40-х гг. V в. до н.э., еще не знакомо Пармениду. Возникновение мира и живых существ, излагавшееся в поэме в качестве ложного учения, логически следующего из первоначальной ошибки человечества, не включало рассказа о развитии цивилизации. «Установление имен», представлявшее собой, напротив, диагноз этих заблуждений, относится к иной плоскости повествования, чем космогония и зоогония, и соответствует реальной истории человечества, как ее понимает Парменид. Его рассуждения принадлежат, следовательно, по своему типу не к учениям о возникновении культуры, но к этиологическим рассказам о «первых изобретателях», к той их разновидности, в которой древние установления служат объяснением ложных воззрений и обычаев.

Несмотря на необычный размах критики представлений, лежащих в основе существующего языка, Парменид порицает не само его создание (так высказывался Г. Дильс), но лишь ошибочные воззрения, лежавшие в основе именовании. Другое дело, что, будучи однажды создан, сам язык становится хранителем и

даже источником заблуждений (В 7). Нельзя согласиться и с попыткой Л. Вудбе-ри найти у Парменида мысль, что единственным истинным словом является глагол «быть». Стихотворная строка, которую цитирует Платон, характеризуя взгляды элеатов (Theaet. 180 e 1), в действительности не имеет подобного смысла, но означает, что «единое» и «неподвижное» — правильная (но не единственная) характеристика всего сущего. Фрагмент В 8, 34–41 подразумевает также не отрицание обыденного языка в целом, но, наряду с критикой лежащих в его основе представлений, готовность использовать форму, в которой они выражаются, как имплицитное указание на истину, что заметно и в некоторых других случаях (В 2, 7–8; 8, 7–9).

В целом правильное суждение Ф. Хайниманна, что у Парменида нет философии языка в собственном смысле, но есть лишь интерес к нему как выражению общечеловеческих представлений, нуждается в уточнениях. Нельзя согласиться с различием, которое проводит Хайниманн между высказыванием Ксенофана о ложном имени Ириды, как подразумевающим лингвистический конвенционализм, и рассуждениями Парменида, как отвергающими язык в целом. Различие состоит в действительности не в трактовке языка, но в широте критики обыденных представлений.

Не принадлежит учение Парменида и к прямым предшественникам лингвистического конвенционализма, как полагали некоторые исследователи, сближая его взгляды с позицией платоновского Гермогена (Г. Дильс, У. Аллен, Дж. Оуэнс, А. Коксон и др.). Вопрос, должно ли слово этимологически (или каким-либо иным способом) воспроизводить свойства обозначаемой вещи, на который конвенционализм дает отрицательный ответ, Парменидом даже не ставится. Это происходит не потому, что Парменид в силу особенностей своего метафизического учения относит язык к сфере несуществующего («установление имен» представляет для него реальность того же порядка, что он сам и его аудитория), но из-за того, что его интерес к языку остается в той же плоскости, что и у его современников – слова представляют интерес только как отражение ошибочных представлений.

Нельзя согласиться и с попытками найти предпосылки лингвистического конвенционализма в полемике против элейской онтологии со стороны атомистов, которые утверждали (67 А 8; 68 В 156 DK), что небытие, т. е. пустота, существует не в меньшей степени, чем бытие (А. Бранкаччи). Эта критика не затрагивает тех положений учения Парменида, которые касаются соотношения слов и вещей, и сама не предполагает отчетливого понимания этого соотношения. Напротив, высказывания Демокрита о неоднозначности языка, которые передает Прокл, независимы от каких-либо метафизических предпосылок.

§ 2. Языковой узус как νόμος.

В § 2 анализируются наиболее ранние пассажи, в которых языковой узус обозначается словом νόμος и родственными выражениями (вторая четверть – конец V в. до н.э.). Эти пассажи в научной литературе рассматривались в качестве первых признаков зарождения лингвистического конвенционализма. При более детальном анализе выясняется, однако, что это не так: отрывки Эмпедокла (31 В 9 DK) и Геродота (IV, 39), в которых ошибочный языковой узус обозначается как

νόμος, близки по сути к более ранней «критике языка» (Ксенофан, Парменид), т. е. критике ложных представлений, стоящих за определенными словами.

Особого внимания заслуживает отрывок (гл. 2) из трактата Гиппократовского корпуса «Об искусстве» (ок. 400 г. до н.э.), в котором заметно влияние философских идей эпохи софистики. В этом отрывке с давних пор ученые усматривают коллизию противоположных воззрений на природу языка. Полемизируя с противниками медицинского искусства, утверждавшими, что оно – «только имя», за которым нет реальности, автор выдвигает в качестве посылки положение о реальности всего того, что постигается зрением или посредством знания. Затем он утверждает, что реальность «искусств» удостоверяется благодаря явному наличию у них характерных признаков (ἔκ τινος εἶδεος). Он заключает, что искусства получили свои названия в силу этих отличительных свойств, ибо абсурдно было бы полагать, что эти свойства, напротив, появились, «произросли», из самих названий. Обосновывая последнее утверждение, он замечает, что все имена в целом, есть «законоположения, наложенные на природу» (φύσιος νομοθετήματα ἔστιν), тогда как все εἶδεα, т. е. то, что постигается в качестве реальных, особенных вещей, отличных от всех других, есть «не законоположения, но произрастания» (βλαστήματα) или сама «природа».

Эту трактовку имен как установлений не следует отождествлять с лингвистическим конвенционализмом: определенного суждения о том, существует ли какое-то объективное соответствие между словом и вещью или же они связаны произвольно, за этими высказываниями пока не стоит. Не служит оно, разумеется, и косвенным свидетельством того, что кто-то из оппонентов автора верил в первичность имен по сравнению с вещами. Э. Хааг, а сравнительно недавно М. Краус усмотрели в этих противниках первых сторонников натурализма, который, однако, никогда не предполагал ничего похожего на подобный тезис. Polemica ведется в действительности с частным утверждением, типичным для «критики имен», что за определенным словом не стоит ничего реального. Это утверждение не связано ни с определенными онтологическими воззрениями (например, Парменида, как предполагал Дильс), ни с каким-либо теоретическим пониманием природы языка в целом. Однако примечательный теоретический нюанс состоит в том, что сам защитник медицинского искусства, не считая существование слов достаточным гарантом реальности того, что они обозначают (критерий реальности для него не слова, но зрение и познание), исходит все же из того, что распределение имен соответствует объективным отличиям между вещами.

Сходное использование таксономии слов как отражения таксономии вещей встречается, на этот раз в качестве довода в дискуссии, в другом гиппократовском сочинении, «О природе человека» (2 р. 170, 3–7; 5 р. 174, 11–175, 5 Jouanna). Свидетельства языка привлекаются здесь в виде дополнительного, по сравнению с данными опыта, но самостоятельного аргумента в вопросе о количестве и неизменности основных начал, к которым сводится природа человека. Сопоставляя данные опыта в качестве того, что «по природе», т. е. первично, с названиями жидкостей человеческого организма как того, что вторично, основано «на обычае», автор сочинения указывает на согласие между собой опыта и языка.

В терминологическом плане анализ этих и других свидетельств показывает, что выражения $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$, $\nu\acute{o}\mu\omicron\varphi$, $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \nu\acute{o}\mu\omicron\nu$, которые в «Кратиле» связаны с лингвистическим конвенционализмом, унаследованы от более ранней эпохи, когда они служили указанием либо на ошибочность языкового узуса, либо на вторичность именовании в сравнении с реальностью, не подразумевая каких-либо суждений о характере связи между словами и вещами.

§ 3. Полемика против аргументов, основанных на этимологии: решающий шаг в направлении конвенционализма. Пассаж из гиппократовского сочинения «О священной болезни» (р. 16, 6–17, 5 Grensemann) больше, чем какое либо другое из известных нам рассуждений последних десятилетий V в., помимо аргументации Демокрита, приближается к лингвистическому конвенционализму: автор сочинения полемизирует против попыток использовать этимологию слова $\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$, «диафрагма», как доказательство того, что этот орган является центром психической деятельности. Не отрицая, что этимология $\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$ подразумевает эти свойства, он отвергает доказательную силу подобной аргументации, утверждая в свою очередь, что диафрагма носит это название «в силу случайности и по обычаю». Автор сочинения указывает, что причиной ложных суждений о роли диафрагмы в психических процессах являются сильные движения диафрагмы во время волнения. Тем самым он объясняет не только природу заблуждения своих противников, но и происхождение ошибочного названия этого органа в древности. Ссылка на случайность означает, следовательно, не отказ от объяснения происхождения ложного названия (Ф. Хайниманн), но, напротив, признание роли субъективных факторов в истории языка. Хотя не ясно, насколько это утверждение предполагает определенный взгляд на происхождение языка в целом, еще два примера показывают, что реалистическая трактовка возникновения отдельных слов типична для автора сочинения: он упоминает 1) «сердечный клапан», который из-за поверхностного сходства получил название «ушки», хотя не имеет отношения к слуху, 2) и название эпилепсии – «священная болезнь», происхождение которого он возводит к врачам-шарлатанам, использовавшим в древности для лечения магические средства, подобно их современным собратьям.

Несмотря на сходство с высказываниями в духе «критики языка» (ошибочное именование отражает ложные воззрения создателей языка), в замечаниях автора трактата «О священной болезни» заметен важный шаг в направлении конвенционализма: отвергается не реальность тех или иных явлений и свойств, обозначаемых словами, но соответствие этимологии слова свойствам предмета, причем не предполагается замена ошибочных именовании на более истинные. Тем самым, по крайней мере *in part*, автор гиппократовского сочинения принимает конвенционалистский тезис: слова могут обозначать вещи, даже если этимология слова не соответствует его референции. Это рассуждение представляет собой наиболее близкую параллель к аргументам Демокрита у Прокла, которая, несмотря на внимание к обоим свидетельствам, не была замечена в науке. В обоих случаях, в противоположность другим известным нам критическим высказываниям о языке приблизительно того же времени, существенна не истинность обозначаемых словами понятий сама по себе, но характер связи между словом и обозначаемым им понятием. В обоих случаях предполагается, что в

современном языке в ряде случаев нарушена объективная связь между словом и вещью, и вместе с тем не возникает каких-либо предположений об исправлении языка, как это типично для позднейшего натурализма. К особенностям этой ранней формы конвенционализма следует отнести его критический характер по отношению к языковому узусу (примечательно, что автор медицинского трактата рассматривает, подобно Демокриту, омонимию как один из таких дефектов). Демокрит и автор трактата «О священной болезни» делают вывод о случайном характере первоначального установления имен, исходя из различных по типу нарушений объективной связи между словом и вещью: в первом случае это неоднозначность и изменчивость самой этой связи, во втором – расхождение между этимологическим значением слова и истинными свойствами вещи. Несмотря на это расхождение, оба подхода находят свое место в позднейшем конвенционализме, первый – как эмпирическое обоснование допустимости произвольного соотношения между словом и вещью, второй – в качестве более частной констатации подобного произвола.

Суждения гиппократовского автора, кроме того, показывают, что «историческим» обоснованием для подобной оценки природы языка становится положение о заурядности его создателей, к которому апеллировала уже прежняя «критика языка» (Парменид). Косвенно это подтверждает достоверность того вывода о случайном характере первоначального «установления имен», который Демокрит, согласно Проклу, сделал из своих суждений о современном состоянии языка. Поэтому, хотя в терминологическом плане адвербиальное $\theta\epsilon\sigma\epsilon\iota$, которое Прокл приписывает Демокриту, действительно походит на модернизацию, не следует отсюда заключать, что оригинальным выражением Демокрита было $\nu\omicron\mu\phi$ [$\tau\grave{\alpha}$ $\acute{\omicron}\nu\omicron\mu\alpha\tau\grave{\alpha}$], имевшее в действительности те коннотации, которые не существенны для его аргументов, и, тем более, что сам философ формулировал свои выводы лишь применительно к современному состоянию языка, не затрагивая его возникновение.

В противоположность «критике языка», направленной против обыденных представлений, новый подход знаменует появление теоретического интереса к явлениям внутриязыковой сферы. Первые примеры подобного интереса показывают, что конвенционализм (как, собственно, и натурализм) не вытекает из тех или иных метафизических и эпистемологических положений. Основания для конвенционализма имеют скорее эмпирический характер — наблюдения за нарушениями однозначности в языке, которым способствовало формирование научной терминологии, а также лексикографические занятия, которые начинаются в рассматриваемую эпоху. Определенную роль в кристаллизации этого направления сыграло, вероятно, и развитие представлений о возникновении языка и культуры в целом. Как свидетельствует рассуждение в трактате «О священной болезни», бóльшая отчетливость позиций наметилась в связи с попытками использовать этимологию в качестве довода в полемике относительно неявных свойств вещей. Актуальность такой аргументации показывает и дискуссия о свойствах флегмы, в которой пифагореец Филолай настаивал, вопреки сложившемуся к этому времени в медицинских кругах убеждению, что эта жидкость имеет горячий характер и является причиной воспалений, ссылаясь, помимо других доводов, на происхождение $\phi\lambda\acute{\epsilon}\gamma\mu\alpha$ от $\phi\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\nu$, 'гореть' (44 A 27). Софист

Продик в свою очередь рекомендовал переименовать эту жидкость, назвав ее βλέννα (существовавшее обозначение одного из слизистых выделений), а слово φλέγμα присвоить “воспаленной и чрезмерно нагретой части соков”, ориентируясь, следовательно, на этимологию этого слова (84 В 4 ДК). Не вполне ясно утверждение Демокрита (68 А 159 ДК = fr. 567 Luria), также вступившего в эту полемику. Возможно, соглашаясь с Филолаем, что φλέγμα происходит от φλέγειν, он отрицал доказательную силу этимологии и усматривал в ней, подобно автору трактата «О священной болезни», лишь свидетельство ошибочных суждений создателей слова о свойствах флегмы.

Глава IV. Первые учения о возникновении языка.

Не менее проблематично, чем становление конвенционализма и натурализма, зарождение двух антагонистических направлений в понимании движущих сил в развитии языка, а именно представления о создании языка мудрым «учредителем имен» и противоположного ему представления о постепенном развитии языка, в создании которого участвуют обычные люди, не превосходящие по своим интеллектуальным способностям современных людей или даже уступающих им. Новым фактором в развитии воззрений на язык становится появление первых учений о возникновении культуры и развитии человечества из первоначального «звероподобного» состояния к цивилизации: первые следы подобного воззрения датируются примерно серединой V в. до н.э. Уже в наиболее ранних свидетельствах в качестве одного из важнейших достижений человека выступает постепенное развитие языка от нечленораздельных звуков к артикулированным словам, которые соотнесены с определенными вещами.

Ни одно из упомянутых учений не содержит указаний на характер связи между словом и вещью, и это обстоятельство привело некоторых исследователей к выводу (Х. Штайнталь, Х. Дальман, В. Шперри), что вплоть до эллинистической эпохи полемика вокруг соотношения слов и вещей (конвенционализм против натурализма) была не связана с дискуссиями о характере возникновения языка. Д. Фелинг полагает, что Платон первым соединил в «Кратиле» восходящую еще к мифологии фигуру творца языка с натурализмом, т. е. учением об этимологической правильности имен (Кратил), а эволюционистское воззрение на происхождение языка с учением о произвольной, основанной на соглашении связи слова и вещи (Гермоген). В противоположность упомянутым ученым в главе доказывається, что с самого начала представители конвенционализма тяготели к реалистической трактовке возникновения языка, а лингвистический натурализм был в свою очередь связан с представлением о незаурядности его творцов.

§ 1. Ранние представления о мудром учредителе языка.

Попытки обнаружить предшественника этой фигуры в традиционных греческих представлениях (Вяч. Вс. Иванов, У. Аллен, Д. Фелинг, А. Борст) не привели к убедительным результатам: греческой мифологии чужд образ божества, которое дает название вещам и учит людей речи. Рассказ Гесиода о создании первой женщины, которую боги наделяют наряду с другими свойствами также речью (Op. 61–62), не может быть истолкован в качестве отголоска подобного представления. Появление речи в данном эпизоде непосредственно мотивирова-

но тем, что она – одно из свойств, присущих людям, которые Гефест должен воспроизвести, чтобы превратить свое искусственное творение в точное подобие человека (ср. Theog. 584). Если этот эпизод подразумевает какие-то антропологические воззрения общего характера, то они сводятся к тому, что боги создали людей подобно тому, как Гефест – Пандору, т. е. изначально наделенными способностью к речи. Представление о богах, выполняющих роли учителей языка или «учредителей имен», здесь в любом случае не подразумевается.

Отчетливых следов представления о божественном создателе языка мы не находим и в греческой литературе V в. до н.э., в эпоху зарождения интереса к возникновению языка. Гермес, которому традиция приписывает изобретение языка, впервые появляется в подобной роли только в «Кратиле», где его имя этимологизируется как «тот, кто измыслил речь» (408 a–b). Если Платон ссылается здесь на распространенное представление, естественно отнести его появление к эпохе, когда появляются первые учения о развитии человеческой речи из нечленораздельных звуков, т. е. ко второй половине V в. до н.э. В рассуждениях не только V, но и IV в. до н.э. это упоминание о божественном изобретателе языка остается единичным. В самом «Кратиле» ссылка на создание языка богами отводится как не заслуживающая серьезного рассмотрения. В рассуждениях креационистского характера этого времени божеству приписывается, наряду с наделением человека разумом и целесообразно устроенным телом, создание органов речи, которые позволили человеку либо изначально артикулировать звуки (Xen. Mem. I, 4, 12; IV, 3, 12), либо постепенно научиться этому в ходе эволюции (Eur. Suppl. 201–204), но не учреждение имен или обучение людей языку.

Представление о мудром человеческом учредителе языка несомненно предшествует по времени «Кратилу». Уже в более раннем диалоге Платона «Хармиде» (175 b) Сократ мимоходом ссылается на фигуру «законодателя» или, точнее, «создателя обычая» (νομοθέτης) в сфере языка как на что-то понятное, замечая, что суть свойства, для которого тот установил слово σωφροσύνη, «благоразумие», так и осталась невыясненной в ходе беседы. Термин νομοθέτης, которым обозначается учредитель слов в «Хармиде» и «Кратиле», находит аналогию в более раннем высказывании о словах как φύσιος νομοθετήματα автора гиппократовского сочинения «Об искусстве». В обоих случаях подразумевается, что слова распределены в соответствии с реальными отличиями между вещами, этимологическое соответствие слов свойствам вещей, однако, при этом не подразумевается. Сам термин и контекст, в котором появляется νομοθέτης, показывает, что подобное представление возникает в связи с рассуждениями о происхождении тех или иных слов, независимо от учений о возникновении языка в собственном смысле и, возможно, до их появления.

Таким образом, новшество Платона в «Кратиле» состоит не в переносе мифологической фигуры создателя языка в сферу теоретических дискуссий о языке (Д.Фелинг), но, самое большее, в том, что он превратил фигуру «учредителя имен», возникшую в ходе самих этих дискуссий, в создателя слов, не только прочно связанных с вещами, но и обладающих способностью отражать их свойства (этимология и звуковой символизм).

§ 2. От неартикулированных звуков к членораздельной речи: первые учения о возникновении языка.

Первое, известное нам учение, несомненно рассматривавшее развитие человечества от дикости к цивилизации, принадлежит Архелаю и относится к 40-м гг. V в. до н.э., однако неизвестно, затрагивалось ли в нем возникновение языка. Протагор, судя по одноименному платоновскому диалогу, является автором наиболее раннего из известных нам учений о возникновении цивилизации, в котором упоминалось развитие языка от нечленораздельных звуков к артикулированным словам. Протагор объясняет происхождение артикулированного языка, наряду с религией и ремеслами, наличием у человека способности к “искусствам”, которую похитил с Олимпа и вложил в людей еще до их появления на свет Прометей (321 c–d = 80 C 1 DK). Артикуляция звуков и превращение их в связанные с вещами слова осуществляется первыми людьми, однако, самостоятельно, без помощи божества (322a). Упоминание о самостоятельном приобретении человеком языка как одного из достижений цивилизации в первом стасиме “Антигоны” Софокла (конец 40-х гг. V в. до н.э.) подтверждает, что развитие языка становится в это время частью учений о возникновении культуры (354–356). В монологе Тесея в “Просительницах” Еврипида (вторая половина 20-х гг. V в.), прославляется бог, который “упорядочил человеческую жизнь, бывшую первоначально смешанной и звероподобной, вложив в людей, во-первых, разум, и, во-вторых, дав язык, вестника речей, чтобы распознавать звуки” (201–204).

Эти рассуждения о возникновении языка отличаются друг от друга лишь расстановкой акцентов в оценке движущих сил эволюции: подчеркиваются либо врожденные задатки речи (Еврипид), либо собственные усилия человека (Софокл), или же учитывается и то и другое (Протагор). Само развитие от нечленораздельной речи к артикулированной рассматривается как бесспорное. При этом роль божества в создании языка, если таковая признается, состоит в творении органов речи, а не в установлении названий вещей и обучении первых людей словам. Примерно к тому же времени относится появление интереса к особенностям человеческого языка по сравнению со звуками животных (Диоген из Аполлонии, 64 A19 §44 DK, рассуждение Сократа у Ксенофонта, Mem. I, 4, 12, [Hipp.] De carn. 18). На рубеже V–IV вв. до н.э. автор софистического трактата «Двоякие речи» обсуждает вопрос, приобретает ли человек способность говорить естественным образом или посредством обучения (6, 11–12 DK), и решает его в пользу обучения. Он предполагает тем самым, что каждый из языков является результатом изобретения или серии изобретений и что люди когда-то не обладали членораздельной речью. Маловероятно поэтому, что Демокрит, который стремился объяснить не только развитие цивилизации в целом, но и ее отдельные достижения, ограничился констатацией случайностей, сопровождавших “установление” слов, и не упомянул о стадии нечленораздельных звуков и об их последующей артикуляции. Мы не располагаем решающим свидетельством того, что комбинация эволюционизма и конвенционализма, представленная в учениях Диодора, Витрувия и Лактанция, восходит в подобной развернутой форме к учениям последних десятилетий V в. до н.э. и принадлежит именно Демокриту. Однако вероятность этого достаточно велика, если учесть распространенность к тому времени трактовки языка как одного из достижений эволюционного развития (учение Протагора, свидетельства Софокла и Еврипида) и

собственный вклад Демокрита в детализацию и углубление этого направления теорий возникновения культуры.

Глава V. Особенности учения Демокрита.

В главе рассматриваются аспекты учения Демокрита о языке и возникновении культуры, которые вызывают разногласия в науке, а также определяется место его воззрений в развитии идей в этих сферах.

§1. Становление языкового конвенционализма и теория общественного договора. Как показывают сохранившиеся свидетельства, идея договора, важный составляющий элемент гермогеновского и позднейшего конвенционализма, не встречается в сохранившихся рассуждениях о возникновении языка второй половины V в. Эта форма конвенционализма, судя по передаче Платоном ее основных положений и аргументации, связана с появлением новых смысловых нюансов. В противоположность первым высказываниям конвенционалистского характера (Демокрит и автор трактата «О священной болезни»), указывавших на случайность, действовавшую при «установлении имен», отправной точкой которых были дефекты современного языка, Гермоген рассматривает произвольность установлений в прошлом и настоящем как нормальное явление. Признанием правомерности произвола языкового узуса позиция Гермогена отличается от натурализма Кратила, также в известной мере наследника «критики языка»: Кратил признает, что в современном языке существуют слова, ошибочно соотнесенные с предметами, но видит в этом нарушение, которое должно и может быть устранено.

Особенности учения Гермогена объясняются внутренним развитием лингвистического конвенционализма, а также реакцией на появление противоположного воззрения, предполагавшего в качестве нормы внутреннее соответствие между словом и предметом (в первую очередь этимологического характера). Трактовка же произвольного установления как договора обязана своим появлением влиянию политических теорий, согласно которым общество, моральные нормы и законы основываются на соглашении. Первые следы подобного воззрения в политической сфере встречаются во фрагментах софиста Антифонта. На учение Гермогена особенно походит та разновидность договорной теории в области государства и права, которая подчеркивает изменчивость законов и видит в каждом из них отдельное соглашение (Hippias apud Xen. Mem. IV, 4, 12; 14; Anaxim. Rhet. ad Alex. 1, 8, 1422 a 2–4; 2, 13, 1424 a 10; [Demosth.] XXV, 16). Примечательно, что рассуждения о возникновении языка Диодора Сицилийского и Витрувия, упоминая, подобно Демокриту, о случайном характере появившихся в древности обозначений, не связывают их установление с соглашением. Очевидно, таким образом, что эти изложения скорее показывают влияние более раннего, демокритовского конвенционализма, чем позиции Гермогена, как предполагает Д. Фелинг.

§ 2. Изоморфизм языка и реальности в теории Демокрита? Неоднократно предпринимались попытки обнаружить в учении Демокрита следы концепции «звукового символизма» (Э. Франк, Э. Хофман), речевого жеста (И. М. Тронский) и иных воззрений, предполагающих изоморфизм языка и реальности. В «звукосимволизме» Демокрита некоторые ученые усмотрели в свою очередь

общий источник рассуждения Сократа в «Кратиле» о создании языка из звуков и их комбинаций, имитирующих свойства вещей, и учения Эпикура о возникновении слов из звуков, вызванных эмоциональным воздействием предметов на первобытных людей (Р. Филиппзон, Э. Хааг, и др.). Наблюдения Демокрита за нарушениями однозначности в соотношении слов и вещей, о которых сообщает Прокл (68 В 26 DK = fr. 563 Luria), сами по себе не подразумевают отрицания какой-либо связи между физическим строением предмета и составом звуков слова, обозначающего этот предмет. Однако наличие подобной теории ставит под сомнение достоверность указания Прокла о том, что Демокрит сделал из своих наблюдений вывод о возникновении языка из произвольного и случайного по своему характеру «установления имен».

При ближайшем рассмотрении, выясняется, однако, шаткость попыток обнаружить у Демокрита концепцию «звукосимволизма» и превратить его тем самым в предшественника натуралистических теорий возникновения языка. Необходимо, во-первых, отвергнуть в качестве указания на подобное учение сообщение неоплатоника Дамаския (Damasc. In Phileb. P. 15 Westerink = 68 В 142 DK = fr. 564 Luria) о том, что Демокрит называл имена богов ἀγάλματα φωνήεντα (сомнения, высказанные Л. Вестеринком, Х. Черниссом и М. Хиршле в принадлежности этого изречения Демокриту, не представляются убедительными). Контекст, в котором приведено изречение (различные основания, по которым имена богов вызывают почтение), и его синтаксис (ἀγάλματα φωνήεντα καὶ ταῦτά ἐστι τῶν θεῶν) показывают, что оно означает: “ибо также имена богов являются их ἀγάλματα, однако звучащими”. Следовательно, это изречение относится только к именам богов, а не к словам вообще, причем, судя по слову ἀγάλματα, имена богов сопоставляются с их же статуями, а не с образами как таковыми. Основания для этого сравнения неочевидны. Тем не менее, это сравнение не может подразумевать ни спонтанное происхождение божественных имен, ни изоморфическое соответствие строения богов и их обозначений. Хотя нельзя исключить категорически, что Демокрит имеет в виду, прежде всего субъективность представлений, ассоциирующихся с именами богов, равно как и с их изображениями (У. Гатри, А. Пальяро, К. Классен), все же торжественный оттенок, который присущ слову ἄγαλμα, указывает скорее, что изречение имеет более ёмкий характер: несмотря на условный характер божественных статуй и имен, те и другие освящены традицией, и потому заслуживают уважения. Не предполагает ничего похожего на изоморфизм языка и реальности также сравнение Демокритом атомов, их положения и комбинаций с буквами (67 А 4 DK = fr. 241 Luria), являющееся не более, чем наглядной аналогией. Учение перипатетика Адрата из Афродисиады (первая пол. II в. н.э.) о трехступенчатом строении музыки и речи, которое Э. Франк возводил к Демокриту, не только не содержит ничего атомистического, но и само по себе не указывает на параллелизм в строении языка и реальности.

Рассуждение Сократа о миметических способностях первых звуков в «Кратиле» (учение о «речевом жесте», по определению И. М. Тронского), из которых затем составляются соответствующие реальности слова, более всех известных нам теорий классической эпохи подходит под понятие параллелизма в строении языка и реальности. Это учение также рассматривалось в науке как восходящее к Демокриту. Однако с освобождением от мнимых следов подобной концепции

во фрагментах Демокрита устраняются и основания для того, чтобы связывать платоновское учение с именем абдерского философа. Само же это учение имеет мало общего с атомизмом.

Одной из причин, по которым эту примечательную теорию сочли принадлежавшей Демокриту, было некоторое сходство между ней и эпикурейской теорией происхождения языка (Р. Филиппзон). Однако в эпикурейской теории подобие слов вещам возникает спонтанно, помимо воли и разума, благодаря тому, что предметы, производя сильное впечатление на людей, вызывают в ответ звуки, причем каждой вещи соответствует определенный набор звуков. Напротив, в “Кратиле” Платон имеет в виду только сходство между работой речевых органов при произнесении отдельных звуков и их комбинаций и свойствами предметов (426 e 4–5; 427 a 2; a 8–9; b 2–3). Законодатель, замечая это подобие, составляет слова для обозначения тех или иных явлений и свойств из соответствующих им звуков. Поскольку Демокрит определенно не был склонен преувеличивать интеллектуальные способности людей на той стадии, к которой относится возникновение языка, невероятно, чтобы у него, как у Платона, “первые слова” создавались мудрецами по правилам теории “речевого жеста”. Кроме того, тот квазиатомистический подход к языку, который характерен для платоновской теории и который особенно побуждал предполагать для нее атомистический источник, как раз не характерен, вопреки ожиданиям, для Эпикура. Судя по сохранившимся свидетельствам, Эпикур не интересовался ни этимологическим, ни фонетическим анализом слов и ограничивался констатацией прочной связи между определенным предметом и соответствующим набором звуков, которая была существенна для его эпистемологии. Более вероятно, напротив, прямое влияние на Эпикура платоновской теории “звукового символизма” и изменение ее в духе естественного происхождения языка.

Таким образом, нет надежных свидетельств, которые побуждали бы внести коррективы в свидетельство Прокла о Демокрите и предполагать наличие у последнего каких-либо воззрений, которые бы модифицировали понимание первоначального установления как конвенционального или вступали бы в противоречие с этим положением.

§ 3. Случайность, необходимость и свобода человеческих поступков в учениях Демокрита и позднейших атомистов. Вопрос о характере детерминизма Демокрита имеет существенное значение для оценки достоверности свидетельства Прокла, согласно которому Демокрит предполагал случайное установление имен в древности. Уже Штайнталь усмотрел в это указании противоречие с известным демокритовским принципом необходимости. Для понимания учения Демокрита о возникновении языка и культуры существенно, таким образом, совместим ли общеплатоновский принцип необходимости с признанием случайности как одного из факторов эволюционного развития человечества.

Утверждение Аристотеля (68 A 68 DK), согласно которому Демокрит отрицал существование случайных событий, как показывают приведенные примеры, нужно интерпретировать следующим образом: Демокрит полагал, что события, которые обычно считают случайными, имеют определенную причину. Это не означает, что он игнорировал отличие между событиями, имеющими регулярные причины и, в силу этого, предсказуемыми, и теми, что происходят неожиданно,

в силу необычного стечения обстоятельств. Как показывают этические фрагменты Демокрита (особенно 68 В 119 DK), он не только порицал склонность невежд ссылаться на случай вместо уяснения истинных причин явлений, но и считался с существованием явлений, нарушающих самый продуманный образ поведения.

Далее, заслуживает доверия свидетельство Аристотеля, согласно которому Демокрит объяснял случайностью возникновение атомарного вихря, непосредственной причины образования отдельных миров (*ἀπὸ ταῦτομάτου*), и в то же время отрицал роль случайности (*τύχη*) в развитии растений и живых существ (А 69 DK). Это отличие предполагает, что Демокрит объяснял начало космогонии как событие, имеющее определенные физические причины, но являющееся вместе с тем непредсказуемым результатом стихийного взаимодействия атомов, в противоположность закономерному и предсказуемому развитию живых существ. Рассуждение Эпикура в сочинении «О природе» (*De nat. XXV Laursen*) показывает, что Демокрит не рассматривал поведение человека как однозначно детерминированное атомарными процессами, в противоположность неназванным оппонентам Эпикура, в которых нужно, вероятно, видеть кого-то из последователей Демокрита.

Демокрит, таким образом, различал в физической и психологической сфере закономерные и предсказуемые события и, соответственно, – менее регулярные и, в силу этого, непредсказуемые. Это различие позволяет понять, как, объясняя в целом открытия цивилизации действием необходимости или нужды, протекающей из естественной слабости человека (это показывает уточненный текст фрагмента 68 В 144 DK=fr. 568 L.), он мог отводить роль случайному стечению обстоятельств в объяснении отдельных открытий (68 А 151; В 30) или рассматривать первоначальное установление имен как случайное, т. е. отступающее от строгого порядка, который ожидался бы, если бы создатели языка были наделены сверхъестественным разумом.

Глава VI. Происхождение и развитие языка в теории Эпикура.

§1. Предварительные замечания. Основным свидетельством для теории возникновения языка Эпикура является соответствующий раздел в его «Письме к Геродоту» (гл. 75–76). Это письмо представляет собой сокращенное изложение сочинения Эпикура «О природе». Часть этого труда, посвященная возникновению языка, не сохранилась, однако к ней прямо или опосредованно восходят рассуждения Лукреция, Диогена из Эноанды и некоторых других авторов (Птолемея, Агатархид), которые существенно восполняют и проясняют лапидарное изложение письма Эпикура.

§ 2. Естественная стадия возникновения языка. Положение Эпикура о возникновении языка из эмоциональных звуков нередко рассматривалось в науке (Ф. де Лэси, С. Бэйли и др.) по аналогии с учением Диодора Сицилийского – первоначальная стадия нечленораздельных звуков, их последующая артикуляция и (конвенциональное) соотнесение слов вещами. Привлечение наряду с «Письмом к Геродоту» других свидетельств (Диоген из Эноанды, Секст Эмпирик, Филон, Прокл) показывает, что главным новшеством Эпикура было предположение, что уже первые экспрессивные сочетания звуков были соотнесены с определенными предметами и были до известной степени артикулированы, так

что могли соответствовать множеству разнообразных вещей. Другой важной особенностью учения Эпикура было объяснение различий между языками специфическими для каждой местности особенностями одних и тех же вещей, возможно, также действием внешней среды, например, климата. В основе этого положения лежит скрытая полемика с конвенционализмом, который опирался на различия между языками в качестве одного из основных доводов. Эпикур, придерживаясь натуралистического тезиса о наличии необходимой связи между словом и вещью, отрицает вместе с тем типичное для старого натурализма представление о мудрых творцах языка и примыкает в этом плане к учениям эволюционистского и реалистического характера.

§ 3. Рациональная стадия и учение Птолемея (De iudicio 4, 2–6). Рассуждение Эпикура о второй, рациональной стадии возникновения языка, лишь кратко упомянутой в «Письме к Геродоту» и не получившей освещения в других свидетельствах, может быть восполнено благодаря разделу в сочинении Клавдия Птолемея «О критерии» (4, 2–6), который, как мы доказываем, следует эпикурейскому источнику. Согласно Птолемею, вторая стадия представляла собой образование слов, которые этимологически восходят к более ранним, естественно возникшим словам, а также выбор из нескольких естественных слов, обозначающих одну и ту же вещь. Это показывает, что Эпикур учитывал образование различных обозначений для одних и тех же предметов даже в пределах одной местности, и признавал (вопреки обычной трактовке его теории), что наряду со спонтанным возникновением слов имело место и последующее словообразование деривативного характера.

Птолемей изображает эту стадию языка не только как продвижение в плане выработки более точной лексики, но и как начало пустых споров о значении слов и излишней акрибии в именовании. Такое понимание в целом согласуется с амбивалентной оценкой самим Эпикуром рациональной фазы в развитии культуры, несущей с собой не только усовершенствование первых достижений цивилизации, но и их искажение (появление излишеств). Эта трактовка второй стадии может отражать и негативное отношение Эпикура к научной грамматике, с ее попытками определить языковую норму. Кроме того, из рассуждения Птолемея следует, что, несмотря на попытки ввести однозначные обозначения, современный язык сохраняет многозначность. Отсюда видно, что рациональное совершенствование языка не устраняет более примитивный слой лексики и, что язык в целом сохраняет свой первоначальный естественный характер, как это и следует ожидать для учения Эпикура.

§ 4. Возникновение обозначений для сложных понятий. Здесь рассматривается трудное для понимания высказывание Эпикура о возникновении обозначений для οὐ συνωρόμενα πράγματα (Ep. Hdt. 76), понятий, характер которых вызывает разногласия среди ученых. Доказывается, что Эпикур имеет в виду явления, которые, согласно его теории, доступны чувствам, но не поддаются постижению посредством единичного восприятия (как можно предполагать, к ним относится понятие времени). Согласно предлагаемому нами толкованию, Эпикур считает возникновение подобных слов таким же спонтанным, как и всех прочих, однако уделяет в этом случае большее значение последующему выбору, на рациональной стадии, одного обозначения из нескольких вариантов спонтан-

но возникших слов. Эпикур, следовательно, стремится приписать естественное происхождение всем наиболее значимым словам, в том числе и тем, которые до него рассматривались как обозначения концептов, находящихся вне чувственного опыта.

Глава VII. Развитие артикуляции и речи в эпикурейской теории.

Глава посвящена малоизученным аспектам эпикурейской теории, объяснению происхождения звуковой коммуникации, развитию артикуляции звуков, а также философским импликациям учения о возникновении языка.

§ 1. Жесты и звуковая речь.

Параграф посвящен доказательству предположения Т. Коула и Д. Седли, что формулировка Лукреция (V, 1029) *utilitas expressit nomina rerum* подразумевает особый момент в истории языка, который не упомянут в «Письме к Геродоту» и других эпикурейских источниках, а именно превращение первоначальных звуков, служивших лишь спонтанным проявлениям эмоций, в средство коммуникации.

Согласно учению Эпикура, первоначальные звуки были вызваны определенными предметами и в достаточной степени артикулированы. Однако другой пассаж Лукреция изображает первые попытки людей заключить между собой соглашение о защите жен и детей (V, 1019–1023), пользуясь при этом нечленораздельными звуками и жестами. Этот пассаж показывает, что эпикурейская теория признает наличие стадии, на которой артикуляция еще не была достаточной, и жесты служили основным, если не единственным средством коммуникации. К этому описанию обнаруживается параллель у эллинистического писателя Агатархида (Diod. III, 18, 6; Phot. Bibl. Cod. 250. 450a 41–b11 Henry), явно находившегося в данном случае под влиянием эпикурейской теории. Агатархид изображает примитивных людей – ихтиофагов, которые в противоположность первым людям Лукреция так бесчувственны, что спокойно переносят гибель жен и детей. Агатархид подчеркивает в том же контексте, что из-за неразвитости эмоций ихтиофаги обладают лишь нечленораздельными звуками и жестами. Отсюда можно заключить, что Эпикур, к которому несомненно восходят оба изложения, считал улучшение артикуляции следствием общего эмоционального развития человечества в ходе культурного прогресса. Эпикур связывал превращение этих, более артикулированных звуков в средство коммуникации с возникновением простейших форм сообщества, в свою очередь также явившихся следствием эмоционального развития и появления заботы о семействе. Общая причина перехода к звуковой речи состоит, очевидно, согласно эпикурейской теории, в растущей необходимости обозначать объекты, находящиеся вне поля зрения участников коммуникации. Непосредственной же причиной оказывается желание защитить женщин и детей, сопутствующее волнение и произвольное использование звуков наряду с жестами, что и приводит к «изобретению» нового средства коммуникации.

Анализ пассажа Лукреция, в котором возникновение языка поясняется при помощи жестов младенца (V, 1028–1040), позволяет заключить, что эпикурейская теория рассматривает появление звуковой коммуникации в ходе развития человечества как реализацию врожденной способности указывать на вещи, а не

как следствие постепенного научения посредством проб и ошибок. Зарождающаяся звуковая коммуникация подготовлена совершенствованием способов общения, но не нуждается в опыте или наблюдении, подобно простейшим навыкам, из которых впоследствии развивается техническое знание. О подобных навыках упоминает Лукреций в полемике с телеологическими воззрениями (IV, 843–852).

Таким образом, несмотря на отличие натурализма теории Эпикура от конвенционализма того направления, к которому принадлежат учения Диодора, Витрувия и Лактанция, ряд сходных положений в трактовке развития языка указывает на общее происхождение этих теорий: не только градуализм и отказ от сверхъестественных факторов, но и само понимание эволюции: эмоциональный характер первоначальных звуков, постепенная артикуляция в ходе культурного развития, переход от жестов к звукам в качестве основного средства коммуникации, а в известной степени и сам характер объяснения возникновения звуковой речи.

В заключительном разделе рассматриваются философские мотивы, лежащие в основе положения Эпикура о спонтанном происхождении языка. Как следует из рассуждения в «Письме к Геродоту» (гл. 37), устойчивая, объективная связь между словом и вещью, возникшая в древности и сохраняющаяся в современном языке, служит в эпистемологии Эпикура имплицитным основанием положения о непосредственной очевидности «первых значений» слов для всех носителей языка. Эти «первые значения» (они же «предвосхищения»), служат критерием и отправной точкой философского исследования, своего рода прямым средством познания действительности, с чем связан и отказ Эпикура от точных определений. Другое основание его натурализма лежит в попытке объяснить все способности человека, приобретенные в ходе эволюции, как развитие и комбинацию врожденных свойств, и элиминировать таким образом предположения о роли божества или сверхъестественно мудрого человека в создании культуры (см. полемику против изобретателя языка, Lucr. V, 1041–1055, Diog. Oen. Fr. 12 Smith).

Заключение.

По возможности полное привлечение свидетельств, относящихся к теме исследования, позволяет сделать следующие выводы: 1) кристаллизация противоположных воззрений на нормативное соотношение слов и понятий (конвенционализм и натурализм) относится к последним десятилетиям V в. до н.э. и связана не с теми или иными метафизическими или эпистемологическими положениями, но опирается на наблюдения за многозначностью слов и за расхождением между их референцией и этимологическим значением, которые делались в различных областях знания; 2) представление о мудром «учредителе языка», как и образ божественного создателя языка, не относятся к традиционным воззрениям, но зарождаются в той же атмосфере теоретических дискуссий второй половины V в. до н.э., что и противоположные по духу эволюционистские учения о возникновении языка; 3) наиболее ранняя формулировка лингвистического конвенционализма относится к последним десятилетиям V в. до н.э. и принадлежит Демокриту; 4) уже предыстория конвенционализма и натурализма показывает тесную связь между теоретической проблематикой (эпистемологическое значе-

ние слов) и представлениями о создателях языка, которая сохраняется в последующем в теориях V–IV вв. до н.э., а также в эллинистический период; 5) уточнения, внесенные в понимание развития языка согласно эпикурейской теории, позволяют выявить значительное сходство с другим направлением эволюционизма, восходящим предположительно к Демокриту (учения Диодора, Витрувия и Лактанция), несмотря на расхождения в трактовке связи между словом и вещью в этих направлениях (натурализм Эпикура против конвенционализма Демокрита и указанных учений), что может служить доводом в пользу того, что оба направления восходят в конечном счете к Демокриту.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основное содержание диссертационного исследования представлено в монографии:

1. Античные учения о возникновении языка. СПб., изд-во СПбГУ; изд-во филологического факультета СПбГУ, 2006. – 412 сс. (25, 75 п.л.).

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК:

2. Οὐ συνωρόμενα πράγματα (Epicurus, Ep. Hdt. 76). К вопросу о возникновении языка в теории Эпикура // *Hyperboreus*. 1994/95. Vol. 1. Fasc. 2. С. 46–86 (3 п.л.).
3. Возникновение речи в эпикурейской теории // *Philologia Classica*. Вып. 5: ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. К 100-летию со дня рождения профессора А. И. Доватура. СПб., изд-во СПбГУ, 1997. С. 67–89 (1 п.л.).
4. Νομοθέτης или ὀνοματοθέτης (Plat. Charm. 175b, Crat. 389d 8)? // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Мат. чтений памяти И. М. Тронского. СПб., ИЛИ РАН, 1998. С. 11–14 (0, 3 п.л.).
5. Эпикурейская традиция против «первых изобретателей» // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. С. 302–339 (2, 5 п. л.).
6. Об одном необычном варианте эвгемеризма: *dei ex elementis nati* // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 2. С. 362–386 (1, 75 п.л.).
7. Ptolemy, On Criterion 4. 2–6: An evidence for the Epicurus' theory of the origin of language // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI, Материалы чтений, посвященных памяти И. М. Тронского*. СПб, «Наука», 2002. Р. 32–39 (0, 5 п. л.).
8. Socrates' method of Etymology in the Cratylus // *Hyperboreus*. 2003. Vol. 9. Fasc.1. Р. 56–77 (1, 5 п.л.).
9. Лукреций в трудах Якова Марковича Боровского // *Philologia Classica*. Вып. 6. *Cathedra Petropolitana*. СПб., Изд-во СПбГУ, 2004. С. 69–87 (1 п.л.).
10. Аристотель о происхождении греков (Meteor. I, 14, 352 a 29 – b 4) // *Вестник СПбГУ, Серия филология*. 2007. Вып. 3 (Ч. 2). С. 14–18 (0, 5 п.л.).
11. Аристотель о высыхании Арголиды (Meteor. I, 14, 352 a 9–13) // *Philologia classica*. Вып. 7. *Tradita non explorata*. СПб., Изд-во СПбГУ, 2007. С. 58–80 (1, 2 п.л.).
12. Этимология и "допотопная мудрость" в учении Аристотеля // *Вестник СПбГУ, Серия филология*. 2008. Вып. 2. С. 3–13 (0, 75 п.л.).

Статьи в прочих изданиях:

13. Начало спора о возникновении языка в древнегреческой литературе // *Классические языки и индоевропейское языкознание*. Сб. статей по материалам чтений, посвященных 100-летию И. М. Тронского / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., ИЛИ РАН, 1998. С. 47–79 (2 п. л.).
14. Первые упоминания о евреях в греческой литературе: иудейская религия у Феофраста и Гекатея // *Греки и евреи: Диалог в поколениях*. Сб. научных трудов / Отв.

- ред. А. Львов. СПб., Петербургский Еврейский университет, 1999 (Труды по иудаике. Философия, герменевтика, антропология. Вып. 1). С. 215–235 (1 п.л.).
15. Необходимость, случайность, свобода: Демокрит и его наследники // *Linguistica et philologica*: Сб. статей к 75-летию профессора Ю. В. Откупщикова / Отв. ред. А. И. Зайцев. СПб., изд-во СПбГУ, 1999. С. 211–238 (1, 25 п.л.).
 16. Plato's Etymologies in the Cratylus: how serious they are? // *The Cambridge Conference on Ancient Etymology: Program, Abstracts and List of Participants*. 25–27 September 2000. Cambridge, Cambridge University Press 2000. P. 18–20 (0, 25 п.л.).
 17. Epicurus and his Predecessors on the Origin of Language // *Language and Learning: Proceedings of the 9th Symposium Hellenisticum*. Ed. by D. Frede and B. Inwood. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. P. 56–100 (3, 5 п.л.).
 18. Конвенционалистская теория языка и учения об общественном договоре: В поисках предшественников Гермогена (*Linguistic Conventionalism and Covenant Theories: In Search of Hermogenes' Predecessors*) // *Античная грамматическая традиция в веках: материалы международной конференции (Ancient Grammar and Its Posterior Tradition: Abstracts of International Colloquium)* / Отв. ред. Л. Г. Степанова, В. И. Мажуга. СПб., «Наука», 2005. С. 70–77 (0, 5 п. л.).
 19. The flood in Aristotle's *Meteorologica* (I. 14) // *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption*. Hrsg. von J. Althoff, B. Herzhoff, G. Wöhrle. Bd. 16. Trier, 2006. P. 51–68 (1 п. л.).
- Общий объем публикаций по теме диссертации: 48,25 п. л.